

ЭПОХА

Книга 4

ЭКСПЕДИЦИЯ

ВИТАЛИЙ СТАРЫЙ

Виталий Старый

Экспедиция

<https://litres.ru/74574153>

SelfPub; 2026

Аннотация

1813 год. Наполеоновские войны идут к концу, но для Дани начинается куда более опасная кампания — экспедиция за пределы привычного мира.

Проходы множатся. Игроки исчезают. Чужие народы торгуют, воюют и заключают договоры по своим правилам. А за одной из дверей лежит Лаэн — мир странных городов, неизвестной медицины, опасных сделок и тайн, за которые готовы платить слишком дорого.

Даня привык искать ошибки в любой системе. Но теперь цена каждой проверки — люди, которых можно не вернуть.

И когда среди чужих камней находится вещь, которой там быть не должно, вопрос о дороге домой перестаёт быть мечтой.

Он становится угрозой.

Содержание

Глава 1. ДОРОГА УЖЕ ЗНАЕТ	4
Глава 2. ДЕВЯТЬ	30
Глава 3. ЧЕСТНЫЕ УСЛОВИЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виталий Старый

Экспедиция

Глава 1. ДОРОГА УЖЕ ЗНАЕТ

К марту 1813 года Даня научился отличать три вида дорог. Русская дорога обещала яму заранее: колея темнела, лошадь напрягалась, возница ругался ещё до удара. Польская могла выглядеть ровной и через полверсты внезапно исчезнуть под водой.

Прусская была хуже обеих.

Она была хорошей.

По ней слишком удобно ехалось и поэтому всё время казалось, что сейчас обязательно случится что-нибудь другое.

— Опять смотрите, — сказал Остромыслов.

Даня оторвался от обочины.

— Куда?

— На дорогу.

— Она подозрительная.

— Позвольте уточнить: дорога подозрительна тем, что по ней можно ехать?

— Именно.

Остромыслов записал что-то в маленький блокнот.

— Что ты пишешь?

— Ничего.

— Покажи.

— Нет.

— Значит, про меня.

— Не обязательно всё, что я от вас скрываю, относится к вам.

Это было почти обидно.

Впереди колонна растянулась на добрую версту. Русская пехота ушла дальше по большой дороге ещё утром. Особый отряд держался отдельно: два десятка урумов Горхада, пятеро Каменных с двумя тяжёлыми телегами инструмента, одиннадцать игроков, четыре русские санитарные повозки, ремесленная телега Кузнеца, штабная коляска Остромыслова и столько мелкого имущества, что Даня перестал понимать, где заканчивается военная часть и начинается странствующая ярмарка. Десятерых Даня знал ещё по прошлой кампании. Одиннадцатый пришёл через Поляну уже после Рождества — один, злой от холода и уверенный первые полчаса, что его просто забросило на новый сезон.

Ниш утверждала, что ярмарка начинается с неё. Она ехала на своей мохнатой лошади вдоль обоза и уже третий раз за утро пыталась купить дорожный столб.

— Он не продаётся, — сказал Даня.

— Всё продаётся.

— Это государственный столб.

— Государство далеко.

— Пруссия прямо под тобой.

Ниш посмотрела вниз.

— Земля.

— Государственная.

— Тогда дорого.

Она отстала к Каменным, оставив столб в покое.

На ближайшем указателе было написано что-то по-немецки. Даня мог прочитав буквы, но слово ни о чём не говорило. После восьми лет, прошедших для Дани с того утра 1805 года, мир, когда-то казавшийся ему учебником, уже почти успокаивал своей неизвестностью.

Ни знакомого эпизода.

Ни конспекта.

Ни готового продолжения. В Слободе на последней странице старой тетради осталось: 1813. НЕ ЗНАЮ. И это было честнее всего, что он записывал за последние годы.

Ночью перед выездом он снова ходил на Поляну. Снег там уже затоптали караульные. Надпись ДАНЯ, ТЫ ТУТ? исчезла ещё днём: мороз отпустил, верхний слой осел, потом пошёл мелкий снег. Данин ответ тоже пропал. Стрекота больше не было.

Он ждал до тех пор, пока Игнат не пришёл с фонарём и не сообщил, что сапоги промокают быстрее, чем устанавливается связь с иными мирами. После этого Даня ушёл. Теперь между ним и Поляной лежало уже несколько сотен вёрст, а каждый сухой щелчок ветки всё равно заставлял голову по-

ворачиваться.

Ниш догнала снова.

— Ключник.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Сэкономил время.

— Там люди.

Она показала вперёд.

На дороге действительно стояли люди. Не солдаты. Селяне — человек десять, может двенадцать. Старик с шапкой в руках, две женщины, мальчишки. Они не загораживали путь. Просто ждали на краю. Первым их увидел Горхад.

Урумы шли пешком, несмотря на предложенных им лошадей. Часть лошадей их боялась, часть урумов считала верховую езду неудобной глупостью, и спор быстро потерял практический смысл. Когда Горхад приблизился, старик попытлся. Одна женщина перекрестилась.

Мальчик шагнул вперёд. Его тут же дёрнули назад за ворот.

Горхад остановился.

Колонна за ним тоже.

— Не надо, — сказал Даня, подъехав.

Остромыслов был уже рядом.

— Что именно?

— Не знаю. Но не надо устраивать переговоры посреди дороги.

Старик заговорил по-немецки. Быстро. Даня понял два слова: русские и война. Остромыслов ответил на плохом французском.

Старик не понял.

Ниш попробовала по-польски. Женщина поняла одно слово и ответила ещё быстрее.

Получилось хуже.

Из хвоста колонны прискакал прусский связной — молодой лейтенант, которого прикомандировали к русскому штабу два дня назад. Он выслушал селян, повернулся к Остромыслову.

— Они спрашивают, правда ли это ваши люди.

— Какие именно? — спросил Остромыслов.

Лейтенант посмотрел на Горхада.

— Эти.

Горхад перевёл взгляд на Даню.

— Люди?

— Он про службу.

Лейтенант торопливо сказал:

— Я не хотел обидеть.

— Он не обиделся, — ответил Даня. — Пока.

Остромыслов снял перчатку, достал блокнот.

— Спросите, почему они ждут.

Лейтенант перевёл.

Старик заговорил снова.

— В соседней деревне сказали, что с русской армией идут

чёрные великаны, каменные люди и маленькие демоны. Они хотели увидеть.

Ниш расправила плечи.

— Маленькие кто?

Даня не стал переводить.

— Откуда соседняя деревня узнала?

Лейтенант спросил.

Старик ответил и показал назад.

— От торговца. Торговец слышал в городе.

Остромыслов медленно закрыл блокнот.

— В каком городе?

Ответ занял полминуты. Город оказался в двух переходах впереди. Особый отряд ещё не был там.

— Отлично, — сказал Даня.

Остромыслов посмотрел.

— Я знаю.

— Что?

— Слово.

— И что теперь?

— Теперь ничего. Мы получили факт.

— Что слухи ездят быстрее нас?

— Что секретность закончилась раньше, чем нам официально сообщили.

Ниш фыркнула.

— Я говорила.

— Ты говорила, что за показ Горхада надо брать деньги.

— Тоже правильно.

Горхад тронул Даню за сапог двумя пальцами.

— Идём?

— Идём.

Он посмотрел на селян.

— А они?

Горхад пожал плечами.

— Смотрят.

И пошёл.

Селяне расступились.

Никто не кричал.

Никто не бросил камень. Когда проходили Каменные, один мальчик всё-таки убежал к дому. Через минуту вернулся с отцом. Слух, который Остромыслов пытался догнать бумагами, уже стоял вдоль дороги и ждал.

* * *

На бумаге всё решилось к полуночи. С хлебом — только утром. Городской подрядчик, поставлявший гарнизону муку и мясо, пришёл с книгой расходов и сразу положил палец на строку, где стояло число людей Особого отряда.

— Здесь русские, — перевёл фон Эйхен. — Здесь прусские. Здесь возчики. Остальные где?

Остромыслов показал вчерашнее свидетельство. Подрядчик прочёл. Потом перечитал.

— Это про размещение.

— И про довольствие, — сказал Остромыслов.

— Нет цены.

— Цена военного пайка.

Подрядчик покачал головой.

— Военный паёк платит военная касса за людей в списке.

Этих нет в списке.

Ниш, сидевшая на мешке с овсом, шепнула:

— Хороший человек. Всё понимает.

— Молчи.

— Я хвалю.

Горхад стоял у двери склада. Он, похоже, понял только то, что завтрак задерживается.

Фон Эйхен забрал книгу у подрядчика, просмотрел две страницы и спросил:

— Если магистрат гарантирует оплату разницы?

— За какой срок?

— Три дня.

— Пять.

— Четыре.

Ниш оживилась.

— Я могу.

Все посмотрели на неё.

— Нет, — сказал Даня.

— Дешевле сделаю.

— Именно поэтому нет.

В итоге магистрат внёс отдельную строку: временно прикомандированные иностранные и нечеловеческие чины по-

лучают тот же паёк, что союзный нижний чин, до определения постоянного статуса; разницу между военной ставкой и городской ценой делят русская касса и город.

Подрядчик потребовал две печати.

Остромыслов дал три.

— Зачем третья? — спросил Даня.

— Чтобы он перестал находить причины.

Подрядчик нашёл ещё одну.

— Караул.

— Что караул?

— Если они едят как военные, они стоят караул?

Фон Эйхен посмотрел на Горхада.

Горхад понял слово.

— Стою.

— Нет, — сразу сказал Даня. — Ты не обязан доказывать право на хлеб.

Горхад нахмурился.

— Караул нужен?

Фон Эйхен ответил через Даню:

— Нужен. Но не для доказательства. У нас не хватает людей на склад.

Горхад подумал.

— Тогда стою.

Остромыслов вписал его смену в общий караульный лист, а не отдельной припиской.

Через час русский часовой и Горхад сменяли друг друга

у одних ворот. Первый пытался объяснить уруму, что ночью нельзя пускать даже офицера без записки. Горхад выслушал перевод, постучал пальцем по прикладу и сказал:

— Без бумаги — нет.

Остромыслов закрыл лицо ладонью.

— Что? — спросил Даня.

— Ничего. Просто мы очень быстро распространяем худшие стороны цивилизации.

К полудню спор о хлебе кончился. На складе стало на четыре мешка меньше, в городской книге — на одну новую строку больше.

* * *

К полудню начался дождь. Холодный, мелкий, почти снег.

Он промочил верх шинелей, превратил обочины в кашу и очень быстро доказал, что хорошая прусская дорога тоже умеет портиться, если по ней пропустить несколько тысяч человек, орудия и обозы.

Особый отряд догнал русскую батарею на подъёме. Одно орудие застряло. Лошади били копытами, солдаты толкали колёса, унтер кричал так, будто громкость могла добавить тяги.

Торум остановился.

Посмотрел.

— Плохо.

— Дорога? — спросил Даня.

— Колесо.

Он подошёл к пушке, присел, потрогал ступицу. Русский унтер хотел возразить, увидел размер Торума и передумал. Через пять минут Каменные подложили под колесо две короткие балки, разгрузили часть ящиков с передка и вытолкнули орудие на твёрдое.

Торум постучал по ступице.

— До города.

— А дальше?

— Менять.

Унтер перекрестился.

— Спасибо, братцы.

Один Каменный посмотрел на него.

— Брат?

Даня не успел вмешаться. Унтер хлопнул себя по груди.

— Ну... товарищ.

Каменный подумал.

— Товарищ.

Остромыслов записал.

— Не надо, — сказал Даня.

— Это не про вас.

— Ещё хуже.

Дождь продолжался.

К вечеру у двоих урумов начала промокать обувь. Один из игроков кашлял. На последней санитарной повозке лопнул ремень крепления. Кузнец обменял у прусского обозника три русские иглы на кусок кожи и потом двадцать минут

ругался, потому что кожа оказалась сырой.

Ниш обменяла ту же кожу обратно на четыре иглы. Кузнец долго смотрел на неё.

— Как?

— Язык.

— Какой?

— Правильный.

— Ты не знаешь немецкий.

— Он не знает мой. Равные условия.

К ночи дошли до небольшого силезского городка. У ворот их уже ждали.

Не толпа.

Хуже.

Чиновники.

Даня увидел стол, фонарь, три списка и человека в прусском мундире и сразу понял, что ночлег будет долгим. Майор представился как Фридрих фон Эйхен, квартирмейстер союзного командования. Высокий, сухой, лет сорока с небольшим. Говорил по-французски аккуратно, без удовольствия. На Даню посмотрел один раз, на Горхада — два, на Торума — четыре.

Потом открыл список.

— Пехота русская — сто восемьдесят семь человек.

— Не наша, — сказал Остромыслов. — Прошла раньше.

— Кавалерия — шестьдесят четыре.

— Тоже не наша.

Майор перевернул страницу.

— Ваше формирование указано отдельно. Русские воен-
нослужащие — по приложению. Одиннадцать... лиц, назы-
вающих себя игроками, двадцать...

Он остановился.

Остромыслов ждал.

— Урума, — подсказал Даня.

— Урума. Пять... Каменных.

— Пять, — сказал Торум.

Фон Эйхен вздрогнул: он не ожидал, что Каменный пони-
мает.

— Пять, — повторил он и исправил цифру. — И четыре...

Ниш шагнула к столу.

— Четыре что?

Майор посмотрел на бумагу.

— Гоблинов.

— Пять.

— В списке четыре.

— Я была за хлебом.

— Когда составляли список?

— Не знаю. Значит, пять.

Фон Эйхен посмотрел на Остромыслова.

— Это ваш офицер?

— Нет.

— Переводчик?

— Нет.

— Торговец?

— Да, — сказала Ниш.

— Нет, — одновременно сказал Остромыслов.

Ниш повернулась.

— Эй.

— Вольная разведчица при Особой экспедиции.

— И торговец.

Остромыслов не спорил. Майор сделал новую пометку.

— Затруднение с размещением.

— Какая? — спросил Даня.

— Для русских военнослужащих казармы приготовлены.

Для господ офицеров — квартиры. Для обоза — двор за южными воротами, навесы и конюшни.

Он посмотрел на Горхада.

Потом на Торума.

— Для этих людей у меня распоряжений нет.

Остромыслов ответил очень спокойно:

— Они входят в состав Особого отряда.

— В русском составе.

— Союзного русского формирования.

— В прусских ведомостях такой категории нет.

— Теперь есть возможность завести.

Фон Эйхен поднял взгляд.

— Я не могу завести военную категорию на городском постое.

— Тогда используйте существующую для союзных частей.

— Она относится к солдатам.

Горхад всё ещё стоял под дождём. Вода стекала с края его щита.

Даня сказал:

— Они солдаты.

Майор не стал спорить сразу. Это понравилось Дане больше, чем если бы тот начал объяснять про чудовищ.

— У них есть чины?

— У части.

— Прусские?

— Нет.

— Русские?

— Не в вашем смысле.

— Жалованье по русской ведомости?

Остромыслов открыл папку.

— Урумы получают снабжение и денежное содержание по отдельной статье. Каменные работают по договору. Ниш...

Он посмотрел на неё.

— Не надо, — сказала Ниш.

— Ниш получает деньги, когда удаётся доказать, что она не получила их дважды.

— Один раз было.

— Три.

— Один раз поймали.

Фон Эйхен потёр переносицу.

— Господа, у меня нет полномочий решать, являются ли

эти... союзники военнослужащими.

— А у меня нет полномочий позволять записать их имуществом обоза, — сказал Остромыслов.

Впервые лицо майора чуть изменилось.

— Я этого не говорил.

— Пока.

Даня посмотрел на Остромыслова. Тот не повернул головы.

Дождь усилился.

За воротами стояла колонна.

Лошади мёрзли.

Люди тоже.

— Сколько времени займёт решение? — спросил Даня.

Фон Эйхен посмотрел на часы.

— Если послать запрос в штаб — до завтра, возможно до послезавтра.

— Ночевать им где?

— За южными воротами есть обозные навесы.

Горхад сказал по-русски:

— Лошади.

— Что? — спросил майор.

— Он говорит, это для лошадей.

— Там ночуют обозные команды.

— Люди, которые отвечают за лошадей, — перевёл Даня.

— Не лошади.

Майор сжал губы.

— Граф, я не желаю никого оскорблять. У меня есть город на три тысячи жителей, через который ежедневно проходит армия. Сегодня прибыло семьсот человек сверх ведомости. У меня нет свободной казармы. Есть склад, две школы, ра-туша и госпиталь, который уже заполнен.

— Вот. Это уже другой разговор.

Фон Эйхен нахмурился.

— Какой?

— Не про то, кто считается человеком. Про то, где реально есть крыша.

Остромыслов чуть повернул голову к Дане.

Даня заметил и продолжил:

— Покажите склад.

* * *

Склад оказался старой таможней у городской стены. Крыша не текла только в половине здания. Пол был каменный. Два окна выбиты. В углу лежали пустые бочки, от которых пахло солью и чем-то рыбным.

Ниш вошла первой.

— Плохо.

— Бесплатно, — сказал Даня.

— Тогда лучше.

Торум постучал костяшками по стене.

— Стоит.

— Это высокая оценка?

— Стоит.

Горхад осмотрел дверь.

— Узкая.

— Ты пройдёшь?

Он прошёл боком.

— Пройду.

Фон Эйхен стоял у входа и явно ожидал отказа.

Остромыслов спросил:

— Чья собственность?

— Городская. Сейчас не используется.

— Вода?

— Колодец через площадь.

— Печь?

— Нет.

— Дрова?

— По норме воинских частей — да. По норме обоза — меньше.

— А по норме людей, которых нет в вашей ведомости?

Майор посмотрел на него.

— Именно это я пытаюсь выяснить.

Остромыслов достал бумагу.

Не готовую.

Чистую.

— Тогда выясним здесь.

Фон Эйхен рассмеялся один раз. Не весело. Скорее от усталости.

— Вы хотите создать право постоя на складе?

— Я хочу, чтобы сегодня ночью люди не спали в грязи из-за отсутствующей графы.

— И завтра эта бумага окажется в каждом русском обозе.

— Возможно.

— А послезавтра ко мне придут калмыки, башкиры, казаки, ваши Каменные, ещё кто-нибудь, кого я пока не умею представить, и каждый потребует отдельную статью.

— Тогда вам потребуется более широкая ведомость.

Даня отвернулся, чтобы не засмеяться.

Фон Эйхен заметил.

— Граф, вы находите это забавным?

— Нет. Я просто давно знаю Илью Сергеевича.

Остромыслов уже писал. Заголовок вышел длинным.

Временное свидетельство о размещении лиц Особого отряда Российской императорской армии при союзном постое.

— «Лиц»? — спросил Даня.

— Есть предложение лучше?

Он посмотрел на Горхада. Горхад пожал плечами.

— Крыша.

— Именно.

В бумаге не было слов «военнослужащие» и «собственность».

Было: состоят при российском Особом отряде; находятся под русским военным начальством; получают продовольствие по русской ведомости; при союзном постое размещаются как лица при действующей части; оружие сохраняют

при себе; городской караул не вправе изымать его без совместного решения русского и прусского офицера.

Фон Эйхен прочитал.

— Последний пункт невозможен.

— Почему?

— Вооружённые иностранцы в городе подчиняются коменданту.

— Тогда совместное решение коменданта и русского начальства.

— Если человек нарушит порядок?

— Арестовать до выяснения.

— С оружием?

— Если угрожает — разоружить.

— Это уже разумнее.

Остромыслов переписал строку. Даня наблюдал, как рождается кусок права, который утром не существовал.

Без сената.

Без министра.

Под дырявой крышей, рядом с рыбными бочками. И всё потому, что Горхад не помещался в графу. Фон Эйхен дошёл до продовольствия.

— Русская ведомость у вас где?

— Здесь.

Остромыслов достал вторую бумагу.

— Подпись?

— Полковник Скорняков.

— Он не здесь.

— Его подпись здесь.

Майор изучил.

— Печать?

— Здесь.

— Копия?

— Две.

— Почему две?

— Я вас ещё не знал.

Фон Эйхен впервые улыбнулся.

Совсем немного.

— Вы неприятный человек, господин советник.

— Для протокола: статский советник.

— Это улучшает дело.

— Нет.

Они подписали.

Потом понадобилась ещё подпись городского магистрата.

Потом оказалось, что магистрат не хочет принимать формулировку об оружии. Потом бургомистр потребовал поручительство за возможный ущерб складу.

Ниш спросила, считается ли ущербом запах рыбы.

Переводить не стали.

К полуночи на складе горели две железные жаровни. Каменные закрыли выбитые окна досками. Урумы развесили мокрые вещи. Русские санитары устроили в сухом углу двух кашляющих игроков и одного прусского солдата, которого

принесли с дороги с вывихнутой ногой.

Майор фон Эйхен увидел его, когда пришёл проверить караул.

— Это наш.

Мята даже не подняла головы.

— Нога тоже ваша?

Он не понял.

Даня перевёл мягче:

— Она спрашивает, заберёте ли вы его сейчас.

— Если можно.

— Нельзя, — сказала Мята. — Я вправила. Пусть полежит до утра.

Майор посмотрел на пруссака.

Тот спал.

— Хорошо.

Мята подняла голову.

— В смысле, согласен?

— Да.

— Тогда хорошо.

Остромыслов что-то записал.

Мята заметила.

— Если там про меня, сожгу.

— Не про вас.

— Все сегодня так говорят.

* * *

Утром бумага понадобилась раньше завтрака. Городской

караул пришёл менять пост и отказался пропускать Ниш обратно на склад. Она ходила за хлебом.

Разрешение на выход было. Разрешения на вход — нет.

— Это лучшее государство, — сказала Ниш, стоя на площади с мешком булок. — Оно защищает мои вещи от меня.

Караульный не понимал русский, но по интонации догадался, что его хвалят не полностью. Даня пришёл через пять минут. Остромыслов — через три.

Фон Эйхен — через десять. Потом явился бургомистр в меховой шапке.

Через четверть часа временное свидетельство получило приложение: перечисленные лица могут перемещаться между местом поста и расположением своей части по жетону или русской служебной записке.

— Жетон, — сказала Ниш. — Хочу жетон.

— Нет, — ответил Остромыслов.

— Почему?

— Ты его продашь.

— Тогда два.

Фон Эйхен смотрел на неё, потом на Остромыслова.

— Она правда разведчица?

— К сожалению.

— Хорошая?

Остромыслов подумал.

— К сожалению.

Ниш довольно взяла мешок и прошла внутрь. На улице

уже собирались люди.

Не много.

Человек двадцать.

Смотрели.

Даня увидел мать с девочкой лет восьми. Девочка держала в руках половину круглой булки. Смотрела не на Ниш.

На Горхада.

Урум вышел из склада с мокрым щитом и остановился у телеги. Девочка шагнула к нему. Мать поймала её за плечо. Девочка что-то сказала.

Мать ответила резко.

Девочка вывернулась.

Пошла дальше.

На площади стало тише — не везде, только в том круге людей, которые уже заметили.

Горхад увидел её.

Девочка остановилась шагах в трёх.

Протянула хлеб.

Он не двигался.

Даня хотел сказать: возьми.

Не сказал.

Мать девочки была белая как полотно. Городской карательный держал руку возле ружья, но не касался. Ниш высунулась из двери.

Остромыслов перестал писать. Девочка ещё раз вытянула руку. Горхад медленно снял перчатку с правой руки.

Потом с левой.

Подошёл.

Хлеб он взял двумя руками.

Не откусил.

Не улыбнулся.

Просто держал.

Девочка спросила что-то.

Фон Эйхен перевёл тихо:

— Она хочет знать, вкусный ли.

Горхад посмотрел на хлеб. Отломил маленький кусок.

Съел.

Подумал.

— Хороший.

Даня перевёл.

Девочка засмеялась.

Её мать закрыла глаза. А потом всё снова зашумело: телеги, люди, приказ к выступлению, лошади, Ниш, которая уже объясняла кому-то цену лишних булок. Когда колонна выходила из города, Даня оглянулся.

У ворот стоял фон Эйхен. В руке у него была копия вчерашнего свидетельства. Вторая копия лежала у Остромыслова.

Третью, оказывается, успел сделать магистрат.

— Думаешь, пригодится? — спросил Даня.

Остромыслов убрал бумагу в папку.

— Уже пригодилась.

— Я про дальше.

— Дальше, Пётр Кириллович, у нас теперь есть прецедент.

— Ненавижу, когда ты радуешься таким словам.

— Я не радуюсь.

Впереди Ниш уже спорила с прусским обозником. Горхад шёл рядом с телегой. Половина булки лежала у него в сумке поверх перевязочного пакета.

Даня посмотрел на дорогу. По ней шли туда, где он больше не знал, что будет дальше.

Глава 2. ДЕВЯТЬ

Шестнадцатого октября слово «фланг» перестало что-либо объяснять. Фронт тянулся дальше, чем Даня мог увидеть даже с возвышения. С рассвета штабной офицер три раза показал им разные места. Первое было на карте.

Второе — на местности. Третье оказалось тем, куда Особый отряд в конце концов отправили.

— Это точно наш участок? — спросил Даня.

Остромыслов перечитал приказ.

— В настоящий момент — да.

— Успокоил.

— Я не ставил такой задачи.

Они стояли на дороге к востоку от Лейпцига, среди обозов, батарей и людей, которые говорили по-русски, по-немецки, по-французски и ещё на нескольких языках, которые Даня перестал пытаться угадывать. За низкими полями висел дым. Пушки работали уже больше часа, но гром приходил с разных сторон и ломал привычное ощущение, где находится бой.

На бумаге вокруг города сходились армии. На земле сходились телеги.

Одна прусская батарея не могла пройти, потому что дорогу заняли русские понтоны. Русские понтоны не могли свернуть, потому что в канаве лежала австрийская фура. Ав-

стрийскую фуру никто не вытаскивал, потому что лошади принадлежали другому подразделению, а его офицер куда-то уехал.

Торум посмотрел на это.

— Долго.

— Да, — сказал Даня.

Каменный показал на канаву.

— Поднять.

Через десять минут фура стояла на дороге. Через двадцать пруссаки прошли. Через полчаса какой-то русский полковник прислал записку с благодарностью «неизвестным сапёрам». Остромыслов сложил её в папку.

— Почему ты это хранишь?

— Потому что вчера нас опять спросили, имеют ли Каменные право находиться при воинской части.

— И ты покажешь благодарность?

— Нет. Покажу приложение к союзному положению.

Он достал тонкий лист. Даня узнал первую фразу.

Лица Особого отряда Российской императорской армии...

— Это же наша складская бумага.

— Была.

— Илья.

— Что?

— Ты размножил её.

— Не я. Прусский штаб.

На полях стояли новые печати. Внизу — немецкая приписка.

— Фон Эйхен?

— Его подпись одна из трёх.

— Он будет счастлив.

— Уже был. Прислал мне письмо на четыре страницы.

— Ругался?

— Очень вежливо.

Впереди ударило ближе. Лошадь Остромыслова дёрнулась. Он удержал повод и посмотрел на дым.

— Положение всё равно временное.

— Война тоже.

— Не рекомендую говорить это генералам.

Горхад подошёл с дороги.

— Повозки сюда.

Он показал в низину между двумя полосами кустарника. Скорняков, который теперь командовал русской частью Особого отряда, уже был там. С ним Лин и двое связных. За год Лин вытянулась и перестала казаться девочкой, пока не открывала рот.

— Тут нельзя, — сказала она.

Скорняков даже не повернулся.

— Почему?

— Потому что через полчаса здесь будут пушки.

— Чьи?

— Не знаю.

— Тогда пока можно.

Лин посмотрела на Даню.

— Он опять так делает.

— Это его работа.

— Плохая работа.

— Иногда.

Скорняков развернул карту на крышке ящика.

— Нам поручено держать эту дорогу свободной для санитарных и инженерных повозок. Каменные укрепляют два переезда через канавы. Урумы прикрывают. Русская часть — караул и проводка. Игроки по назначению.

— А если фронт сюда сдвинется? — спросил Даня.

— Тогда приказ устареет.

— Очень современно.

— Пётр Кириллович.

— Молчу.

На дороге появился всадник в прусском мундире и остановился возле красно-белого сигнального креста.

— Особый отряд?

Скорняков кивнул.

Всадник протянул бумагу.

Там было две строки по-немецки и одна по-французски:

Союзному особенному русскому формированию обеспечить свободный проход. Вооружённые нечеловеческие чины считать состоящими при действующей части согласно временному приложению.

Даня перечитал слово.

— «Чины»?

Остромыслов посмотрел через плечо.

— Компромисс.

— Горхад — чин?

— Сегодня — да.

Горхад услышал имя.

— Что?

— Тебя повысили.

— Нет.

— Вот и вся военная реформа.

* * *

Бумага из Силезии впервые понадобилась не у ворот. Урума по имени Харр привезли к союзному перевязочному пункту с раздробленным предплечьем. Он держал руку другой рукой и не кричал. Рядом шёл русский санитар, весь в чужой крови. В палатке мест не было.

Прусский лекарь посмотрел на Харра, потом на очередь и сказал что-то писарю.

Писарь спросил:

— Полк?

— Особый отряд, — ответил санитар.

— Номер?

— Нет номера.

— Тогда обоз. Обозных после строевых.

Даня услышал это уже со двора.

— Он был на дороге под ядрами.

Писарь пожал плечами.

— Здесь все были.

Остромыслов достал сложенный лист, тот самый, который фон Эйхен велел сделать в трёх копиях.

Писарь прочитал.

— Это силезский магистрат.

— И подпись прусского майора.

— Мы саксонский пункт.

— Вы союзный пункт.

Писарь не отступил.

— У меня сорок семь раненых и восемь мест. Мне нужна очередь, а не философия.

Это Даня понял.

Он посмотрел на Харра. Потом на двух русских, лежавших у стены. Потом на мальчишку в синем мундире, которому перевязывали бедро прямо на земле.

— Не впереди всех, — сказал Даня. — По тяжести.

Мята уже стояла рядом.

— У него кисть холодеет. Если ещё час, можно потерять руку.

Писарь перевёл взгляд на неё.

— Вы лекарь?

— Стоматолог. Сегодня — это достаточно близко.

Он не понял слова. Даня не стал переводить. Остромыслов положил бумагу поверх книги очереди.

— Запишите его как прикомандированного союзного бойца без номера полка. Если ваш начальник возражает, завтра он спорит со мной и майором фон Эйхеном. Сегодня человек идёт по медицинской очереди.

Писарь ещё раз посмотрел на Харра.

Потом вызвал лекаря.

Харра взяли не первым.

Третьим.

Мята осталась рядом до тех пор, пока ему не наложили шину. На выходе писарь догнал Остромыслова.

— Копию оставьте.

— Единственная.

— Тогда перепишу.

Он сел прямо на ящик с бинтами и начал копировать силезский текст на обороте старой ведомости. Даня смотрел, как чужой город делает вторую жизнь бумаге, которую вчера считали местной выдумкой.

— Вот теперь прецедент? — спросил он.

Остромыслов не улыбнулся.

— Теперь эта неприятность умеет путешествовать.

* * *

К полудню дорога перестала быть тыловой. Сначала через неё повели раненых. Потом назад пошли две роты, слишком быстро и без строя.

Потом прискакал русский адъютант и спросил, можно ли провести четыре орудия по левому проезду.

Торум ответил:

— Два.

Адъютант посмотрел на мостик из брёвен и земли.

— Мне нужно четыре.

— Два.

— Приказано четыре.

Торум постучал по крайней балке.

— Тогда один раз четыре.

Адъютант не понял.

Даня перевёл на обычный язык:

— Все четыре пройдут. Мост после этого, скорее всего, перестанет существовать.

— А по два?

— По два с паузой, — сказал Торум. — Стоит.

Орудия провели по два. На третьей паре земля за дорогой взлетела столбом. Первое ядро легло далеко.

Второе ударило по телеге с инструментом и разбило колесо. Третье убило прусского сапёра, который минуту назад спорил с Кузнецом о молотке. Кузнец смотрел на тело меньше секунды.

Потом поднял молоток.

— Мой.

— Что? — спросил Даня.

— Он взял мой молоток.

— Олег...

Кузнец уже шёл к разбитому колесу. Не потому, что ему

было всё равно. Потому что телега стояла поперёк дороги.

Даня это знал и не стал объяснять себе дальше. Игроки к тому времени собрались у низкой насыпи. Девять стояли, один помогал Мяте, ещё один был с Кузнецом.

Новый парень, пришедший зимой, смотрел на поле и улыбался.

Не широко.

Так, будто наконец увидел то, ради чего запускал игру.

— Сколько там? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Даня.

— Тысяч сто?

— Больше.

— Офигеть.

Мята повернулась от носилок.

— Не начинай.

— Я ничего.

— У тебя лицо Сурка.

Улыбка исчезла.

Имя всё ещё работало. Парень посмотрел на дым.

— Понял.

Через минуту над ними пролетела картечь от слишком далёкой батареи. Не попала.

Он лёг первым.

* * *

К двум часам на дороге говорили уже только короткими словами.

«Влево».

«Стоять».

«Носилки».

«Порох».

«Назад».

Лин держала красно-белый крест и ездилa вдоль переездов. Сигнал, который когда-то придумывали для русских, урумов и игроков, теперь подхватили пруссаки. Они не знали, откуда он взялся. Просто увидели, что на поднятый крест смешанные группы отходят с опасного участка одинаково.

Два раза это спасло повозки. На третий раз опоздали. Французский снаряд ударил в край насыпи, где сидели трое игроков и двое урумов.

Даня увидел только землю. Потом человека без шапки. Потом кровь на рукаве.

Мята уже бежала.

— Кто?

— Живой! — крикнули ей.

— Это не имя!

— Игрок!

Она опустилась на колени.

Раненого звали Ромой. Даня знал его плохо. Один из тех, кто пришёл прошлой весной и сначала три недели спрашивал, есть ли в мире таблица навыков, а потом начал работать при обозе и перестал спрашивать.

Осколок вошёл в плечо.

— Рука двигается? — спросила Мята.

Рома пошевелил пальцами.

— Да.

— Ноги?

— Да.

— Дышать?

— Больно.

— Но можешь.

— Да.

— Тогда не выходишь.

Он моргнул.

— Я и не...

Глаза ушли чуть вправо. Туда, где Даня ничего не видел.

Мята заметила.

— Не надо.

— Я не нажимаю.

— Хорошо.

— Я просто проверил.

— Не проверяй.

— Марин.

— Что?

— Если станет хуже...

Она затянула повязку.

— Тогда я скажу.

Рома засмеялся и сразу поморщился.

— Ты скажешь, когда мне нажать выход?

— Я скажу, когда тебе лежать спокойно.

— Вот за это я тебя и люблю.

— Молчи.

Его унесли.

Даня смотрел вслед.

Когда-то слово «выход» было обещанием. Теперь оно звучало как заряженный пистолет, который человек держал внутри собственной головы.

* * *

Огонь появился ближе к вечеру.

Не пожар.

Полоса красного, слишком ровная для обычного пламени, прошла по мокрой траве вдоль дороги и не погасла сразу.

Вал поднял голову.

— Не наш.

— Уже хорошо, — сказал Даня.

— Нет.

Вторая полоса пришла с другой стороны. На поле, за группой французской пехоты, стояли две низкие рамы. Между ними люди тянули что-то похожее на цепь. Свет шёл не из рук. По земле. Кузнец присел возле первого обгоревшего следа.

— Масло?

— Нет, — сказал Вал.

— Почему?

— Не пахнет.

Кузнец провёл пальцем над землёй, не касаясь.

— Горит мокрое.

— Вижу.

— Это плохо.

— Вижу.

Горхад поднял щит.

— Ломать?

— Не сейчас, — сказал Скорняков.

Горхад показал краем щита на французские рамы.

— Идут к дороге.

Скорняков посмотрел на расстояние между ними и рамами.

— Когда придут — ломай. Сейчас держим дорогу.

Горхад кивнул.

Французы не пришли.

Рамы развернули в другую сторону, против прусской пехоты, которая пыталась выйти из-за деревьев. Красная полоса ушла туда. Даня видел, как строй ломается.

Не из-за магии как таковой. Люди просто не знали, что делать с огнём, который бежит по мокрой земле.

Вал сказал:

— Могу попробовать сбить.

— Чем?

— Ветром.

— Сколько?

— Не знаю.

— Не пробуй.

Он посмотрел на Даню.

— Ты не командир.

— Знаю.

— Тогда почему говоришь?

— Потому что рядом дорога с ранеными.

Вал снова посмотрел на поле.

— Я не направляю сюда.

— А куда направишь?

— Туда.

Он показал на пустой участок за рамами.

— Если получится.

Скорняков спросил:

— Цена?

Вал пожал плечами.

— Усталость.

— Точно?

— Нет.

Остромыслов сказал из-за спины:

— В таком случае это не цена. Это предположение о цене.

Вал зло посмотрел.

— Хотите, не буду.

— Я хочу, чтобы вы не называли неизвестное известным.

— Даня вас испортил.

— Взаимно.

Вал всё-таки попробовал.

Не красиво.

Никакого вихря.

Он встал, вытянул обе руки, долго ничего не происходило. Потом дым над полем пошёл боком. Красная полоса дёрнулась, растеклась шире и на несколько секунд перестала двигаться вперёд.

Французские расчёты начали перетаскивать рамы. Этого времени пруссакам хватило, чтобы отойти за складку. Вал сел прямо в грязь.

Крови не было.

Только лицо стало серым. Мята увидела издалека.

— Его сюда!

— Я сам, — сказал Вал.

— Тогда сам сюда!

Он встал.

Дошёл.

Сел рядом с раненым Ромой.

— Сработало? — спросил игрок.

— Немного.

— Круто.

Вал не понял слова.

Рома закрыл глаза.

— Это хорошо.

— Нет, — сказала Мята. — Это значит «круто».

— А.

Она посмотрела на обоих.

— Замолчали.

* * *

Семнадцатого октября бой словно вдохнул.

Пушек стало меньше.

Люди ели.

Чинили.

Спали там, где падали. Даня проснулся на мешке овса и первые секунды не понимал, почему рядом лежит прусский барабан. Потом вспомнил, что ночью на нём перевязывали руку русскому артиллеристу.

Барабан был чистый.

Артиллериста увезли.

Остромыслов сидел у костра и переписывал список потерь.

— Ты спал?

— Да.

— Когда?

— Между тремя двадцатью и четырьмя десятью.

— Пятьдесят минут.

— Именно.

— Это не сон.

— Для протокола можно записать иначе.

Даня сел.

— Где Рома?

— У Мяты. Жив.

— Вал?

— Спит.

— Горхад?

— Там.

Урум сидел возле дороги и точил край щита ножом.

— Торум?

— Проверяет переезд.

— Ниш?

Остромыслов посмотрел на Даню.

— Это сложнее.

— Насколько?

— Она вчера продала австрийскому офицеру французский ремень, который до этого сняла с пленного.

— И?

— Сегодня французский пленный требует вернуть ремень.

— Естественно.

— Ниш утверждает, что пленному заплатили хлебом.

— Заплатили?

— Он говорит, что хлеб был за воду.

— А Ниш?

— Что вода была бесплатной.

Даня лёг обратно на мешок.

— Разбуди, когда война начнётся.

— Она идёт.

— Значит, позже.

* * *

Восемнадцатого всё началось снова и уже не остановилось. С утра земля дрожала непрерывно. Приказы приходили с опозданием.

Один штаб требовал направить Каменных к мосту. Другой — оставить на переездах. Третий вообще не знал, что Каменные существуют, и прислал бумагу «выделить русскую инженерную команду особого состава».

Торум прочитал перевод.

— Мы?

— Вы, — сказал Даня.

— Русские?

— Сегодня — да.

Торум подумал.

— Дорого.

Ниш услышала.

— Я говорила.

К полудню переезд справа разбили. Не прямым попаданием. Сначала одно колесо тяжелой повозки ушло в размокший край. Люди начали объезжать. Земля просела. Потом батарея попыталась провести орудие рядом, и вся кромка канавы поехала вниз.

Торум посмотрел.

— Новый.

— Сколько?

— Час.

— У нас нет часа.

— Тогда плохой. Полчаса.

— Что значит плохой?

— Потом сломается.

— После чего?

— После войны.

— Подходит.

Каменные работали вместе с русскими и прусскими сапёрами. Никто уже не спрашивал, кто из них кто. Даня таскал брёвна первые десять минут, пока Мята не поймала его.

— Ты зачем?

— Помогаю.

— У тебя плечо после плена до сих пор тянет.

— Уже нет.

Она нажала пальцами.

Даня выругался.

— Уже да.

— Иди к спискам.

— Ненавижу тебя.

— Встанешь в очередь.

Он ушёл.

На дороге было хуже. В сторону города шли раненые. От города — боеприпасы.

Навстречу обоим — свежая пехота. Красно-белый крест Лин стал почти важнее флагов. Его понимали там, где не понимали слов.

Даня увидел Рому.

Тот шёл с перевязанной рукой рядом с санитарной телегой.

— Ты почему не лежишь?

— Могу идти.

— Мята разрешила?

— Нет.

— Тогда обратно.

— Даня.

— Что?

Рома посмотрел на поле.

— Я вчера думал нажать.

— Знаю.

— Реально думал.

— Это тоже знаю.

— Сегодня не хочу.

— Хорошо.

— Но если нас сейчас накроет...

— Рома.

— Я просто говорю.

— Не говори мне заранее то, что сам не решил.

Игрок хотел ответить.

Не успел.

Где-то впереди закричали. Потом люди побежали назад.
Не отступление всей линии.

Один кусок.

Через дым показалась французская конница.

Слишком близко.

Скорняков заорал:

— Повозки с дороги! Урумы вперёд!

Горхад уже шёл.

Щиты встали не стеной из легенды.

Криво.

Между ними были промежутки, кто-то не успел, один урум поскользнулся на глине и выругался. Русские стрелки встали за ними. Французские всадники увидели странный строй и не остановились.

Первый выстрел пришёл слишком рано.

Второй лучше.

Лошадь впереди упала. Следующие пошли в стороны. Горхад принял удар сабли на щит и ударил не всадника — коня по узде, разворачивая голову. Всадник пролетел мимо.

Рома стоял у телеги.

— Назад! — крикнул Даня.

Он не слышал.

Или не хотел.

Один француз прорвался между щитами. Рома поднял пистолет левой рукой.

Выстрелил.

Промахнулся.

Француз поехал на него. Даня увидел, как Рома снова смотрит чуть вправо.

Туда.

На то, чего здесь не было ни у кого кроме него.

— Не надо!

Рома поднял здоровую руку. Пальцы коснулись пустоты.

Свет пришёл мгновенно.

Белый столб.

Лошадь француза шарахнулась.

Всадник упал.

Рома исчез.

На грязи остался серый камень и пистолет.

Даня сделал шаг.

Кто-то ударил его в плечо.

Горхад.

— Потом.

Он сунул Дане щит.

Сам поднял топор.

Конница ещё была рядом. Даня держал щит, который весил как дверь.

Бой продолжился.

* * *

Камень подняла Мята.

Не Даня.

Она пришла позже, когда дорогу отбили и французская конница ушла. Рядом с серым камешком лежал пистолет.

— Он нажал, — сказал Даня.

Мята присела.

— Видел?

— Да.

— Точно?

— Руку поднял. Смотрел туда же, куда вчера.

Она взяла камень через ткань.

— Значит, нажал.

— Значит, что?

Мята не ответила сразу. Потом сунула камень в отдельный мешочек.

— Значит, нажал.

И всё.

Даня не спорил.

Через час исчез второй.

Его звали Тихий.

Не прозвище игрока — так его называли в отряде, потому что настоящее имя никто не успевал услышать с первого раза, а он не любил повторять. Он был возле разбитого переезда с Каменными. Снаряд ударил в телегу.

Двух русских убило.

Торума сбило с ног.

Тихий стоял рядом.

Когда дым ушёл, его уже не было. Никто не видел руки. Никто не видел иконки.

Камень нашли между щепками.

Даня спросил троих.

Один видел свет.

Второй видел только белое пятно. Третий был уверен, что

игрок кричал. Что именно — не помнил.

Мята положила второй камень в другой мешочек.

— Этот?

— Не знаю.

— Вот.

— Что?

Она посмотрела на него.

— Разница.

* * *

К вечеру союзные линии пошли вперёд. Особому отряду не приказали идти в город.

И правильно.

Они держали дорогу.

Чинили переезд.

Вытаскивали людей.

Горхад потерял второй щит. Торум работал с разбитой скулой и не позволял Мяте зашивать, пока не поставят последнюю балку.

Кузнец нашёл французскую раму огненного устройства уже брошенной. Осмотрел, потребовал телегу и сорок минут ругался с прусским офицером, который хотел отправить находку в свой штаб.

Остромыслов достал бумагу о статусе Особого отряда.

Пруссак прочитал.

Потом ещё одну бумагу. Потом позвал старшего. Через час раму погрузили под совместную опись.

— Фон Эйхен будет счастлив, — сказал Даня.

— Почему?

— Его бумага теперь работает на магическую контрабанду.

Остромыслов поправил очки.

— Военную трофейную опись.

— Конечно.

— Формулировки имеют значение.

— Поэтому я и боюсь.

Ночью над городом стоял красный свет пожаров.

Пушки ещё били.

Даня сидел возле телеги и пытался отмыть с рук грязь.

Вода сразу стала чёрной. Ниш пришла, положила рядом кусок хлеба.

— Ешь.

— Не хочу.

— Тогда я съем.

— Ешь.

Она не взяла.

— Ключник.

— Что?

— Рома нажал?

— Да.

— Сам?

— Да.

— Тихий?

— Не знаю.

Ниш кивнула.

Больше ничего не спросила. Это пугало сильнее её обычной болтовни.

* * *

Девятнадцатого утром стало ясно, что французы уходят. Не по одному знаку.

По сотне.

Стрельба сместилась.

По дороге пошли пленные. С другой стороны потянулись союзные части, которые вчера ещё стояли далеко. В город отправили людей разбирать завалы и выводить раненых.

Особому отряду разрешили войти только после полудня.

Даня не хотел.

Вошёл.

Лейпциг оказался не «Битвой народов».

Он оказался улицами.

Дверями без стёкол.

Лошадью, лежащей у стены. Женщиной, которая мыла ступени перед домом, хотя по ним каждые пять минут проходили солдаты. Французским барабанщиком лет двенадцати, который сидел у колодца и не понимал, кому теперь принадлежит.

Мята остановилась возле двора, куда свозили раненых.

— Я здесь.

— Мы дальше.

— Знаю.

Она сняла с телеги свой лекарский ящик. Под ним лежал другой.

Маленький.

Деревянный.

Даня узнал.

— Камни?

— Да.

— Зачем с собой?

— Потому что вчера стало два новых.

Она села на край телеги.

Открыла.

Внутри лежали мешочки.

Не все одинаковые.

Некоторые подписаны.

СУРОК.

Пять — только номером и местом после Бородина. Один — БЕРЕЗИНА. НЕ НАШ.

Теперь ещё два.

РОМА. ВИДЕЛИ НАЖАТИЕ.

ТИХИЙ. НЕИЗВЕСТНО.

Мята высыпала камни на сложенную ткань.

Серые.

Обычные.

Девять.

Она пересчитала.

Потом ещё раз.

— Девять.

Даня стоял рядом.

— Камней.

— Да.

— Игроков осталось девять.

Мята посмотрела на него.

— Это совпало.

— Знаю.

— Не делай из этого правило.

— Не буду.

Она собрала камни обратно. Рядом по улице прошли прусские солдаты. Один увидел Горхада и кивнул ему, как знакомому. Горхад кивнул в ответ.

Ни один не остановился. В городе звонил колокол. Кто-то кричал о победе.

Мята закрыла ящик.

— Девять, — повторила она.

На этот раз Даня не понял, про кого.

Глава 3. ЧЕСТНЫЕ УСЛОВИЯ

В начале ноября Хартли нашёл Даню не в штабе, а во дворе бывшего саксонского дома, который союзники превратили в штаб. Уже это было подозрительно.

Штаб жил в бывшем саксонском доме, где на первом этаже пахло мокрой шерстью, свечным салом и чернилами, а на втором каждый свободный стул считался должностью. Даню туда вызывали утром: объяснить происхождение французской огненной рамы, ещё раз подписать лейпцигскую опись и выслушать, почему слово «неизвестно» нельзя ставить в графе «назначение предмета» три раза подряд.

К полудню он сбежал во двор.

Там Кузнец спорил с прусским оружейником над медной тягой, Горхад менял ремень на щите, а Ниш продавала кому-то пуговицы, которые, по её словам, совершенно случайно оказались французскими.

— Граф Безухов.

Голос Даня узнал раньше, чем обернулся.

Эдвард Хартли стоял у конюшни в сером дорожном сюртуке и держал цилиндр под мышкой. Пять лет назад он приехал в имение «собирать древности». Сейчас на груди у него висел пропуск союзного штаба, а за спиной не было ни одного ящика с курганной пылью.

— У вас всё-таки закончились курганы? — спросил Даня.

Хартли улыбнулся.

— Нет. Просто война оказалась ближе.

— Сочувствую вашей науке.

— Она переживёт. Если позволите, я рад видеть вас живым.

— Это взаимно. Особенно учитывая, что в прошлый раз вы забыли сообщить, кем работаете.

— Я говорил: путешественник.

— Это не работа.

— В Англии иногда работа.

Он снял перчатку и протянул руку.

Даня пожал.

Хартли всё так же был худ, аккуратен и смотрел на человека так, будто разговор уже шёл минут десять, просто собеседник поздно подключился.

— Вы здесь официально? — спросил Даня.

— Настолько, насколько это возможно при четырёх союзных штабах. Наблюдатель при британской миссии.

— За чем наблюдаете?

— За войной.

— Конечно.

— И за погодой. Отвратительная.

Вот это Даня тоже помнил. Хартли уходил от прямых ответов через погоду ещё тогда, когда Поляна была тайной нескольких десятков людей. Ниш появилась рядом бесшумно.

Посмотрела на Хартли. Потом на его карманы.

— Левша, — сказала она.

Хартли поднял бровь.

— Вы меня помните.

— Карманы помню.

— Ниш.

— Что?

— Не надо.

— Я ничего.

— Именно поэтому заранее.

Хартли тихо рассмеялся.

— Она стала лучше говорить по-русски.

— Вы тоже.

— Приходится следить за конкурентами.

Фраза была лёгкая. Почти шутка. Ниш перестала смотреть на карманы.

* * *

Остромыслов встретил Хартли без радости и без удивления. Хуже было то, что удивляться ему Остромыслов уже перестал.

— Господин Хартли.

— Господин Остромыслов.

— Позвольте уточнить ваш официальный статус.

— Наблюдатель при британской миссии.

— Цель визита к графу Безухову?

— Обед.

— Я спрашиваю для протокола.

— Тогда обед с графом Безуховым.

Остромыслов записал.

Даня заглянул в блокнот.

— Ты это всерьёз?

— Совершенно.

Хартли снял перчатки.

— Если это создаёт неудобство, я могу пригласить графа в британскую миссию.

— Тогда мне придётся записать визит туда.

— Понимаю. Обед здесь экономит чернила.

Остромыслов посмотрел на него поверх очков. Хартли сел к столу.

Обед был из того, что армия умеет превращать в одинаковую еду в любой стране: мясо, хлеб, капуста и вино, которое каждый офицер называл местным, хотя никто не знал, откуда его привезли.

Первые десять минут говорили о Лейпциге.

Не о победе.

О дорогах.

Хартли знал про разрушенный переезд, французскую огненную раму и двух исчезнувших игроков. На втором факте Даня перестал есть.

— Откуда?

— Мне говорили.

— Кто?

— Люди обычно.

— Какие люди?

Хартли сделал глоток вина.

— Если я отвечу «разные», вы решите, что я издеваюсь.

— Правильно решу.

— Тогда не буду.

Остромыслов спросил:

— Вам известны имена исчезнувших?

— Одно.

— Какое?

— Роман.

Даня положил вилку.

— Рома.

— Благодарю.

— За что?

— За исправление.

— Вы специально ошиблись?

— Я специально назвал то, что знал.

Остромыслов ничего не записал.

Это Даня заметил.

Хартли продолжил есть.

— Мне жаль вашего человека.

— Вы не знаете, умер он или нет.

— Именно поэтому сказал «жаль», а не «соболезную».

У Дани пропал готовый ответ. Хартли поднял взгляд.

— Я пять лет назад спрашивал вас о свете в лесу. Вы от-

ветили, что свет бывает везде.

— До сих пор бывает.

— Теперь он бывает над полями сражений.

— Иногда.

— И оставляет камни.

Остромыслов положил ладонь на край стола.

— Господин Хартли.

— Да?

— Откуда вы знаете о камнях?

Хартли посмотрел в окно.

— Погода, боюсь, не улучшилась.

— Я ожидал примерно этого.

— Тогда мы оба сэкономили время.

* * *

После обеда Хартли попросил показать огненную раму. На этот раз не притворялся, что интересуется древностями.

Раму держали в сарае под совместным караулом. Прусский офицер расписался утром. Русский — после него. Кузнец добавил внизу собственной рукой: не разбирать без меня, хотя никакой юридической силы это не имело.

Хартли прочитал именно эту строку первой.

— Разумный человек.

— Он рядом.

Кузнец сидел на корточках у рамы и снимал размеры.

— Кто?

— Англичанин.

— Вижу.

— Наблюдатель.

— Пусть наблюдает из-за черты.

На полу мелом был проведён круг. Хартли остановился ровно у линии.

— Почему нельзя ближе?

Кузнец поднял медный обломок.

— Не знаю.

— Хорошая причина.

— Единственная.

Хартли присел, не переходя линию. Блокнот достал левой рукой. Даня увидел и вдруг очень ясно вспомнил мокрые курганы, Ниш с веткой и фразу про дешёвый порок.

Пять лет.

Хартли за это время почти не изменился.

Даня — слишком.

— Вы уже видели такие устройства? — спросил Хартли.

— Похожие.

— Французские?

— Не обязательно.

— Русские?

— Не обязательно.

Хартли записал.

— Вы прекрасно научились отвечать как дипломат.

— Плохие учителя.

Остромыслов стоял у двери.

— Я это запишу отдельно.

Хартли улыбнулся.

— А вот это я помню.

Кузнец постучал по медной тяге.

— Не мешайте.

— Разумеется.

Хартли закрыл блокнот и встал. Перед выходом заметил папку на ящике. На верхнем листе лежала копия той самой временной бумаги, которая родилась из спора о постое в силезском городке.

Лица Особого отряда Российской императорской армии, находящиеся при союзных войсках...

Хартли не взял лист. Только прочитал заголовок.

— Любопытно.

Даня встал между ним и ящиком.

— Что именно?

— Пять лет назад ваши необычные гости были просто гостями.

— Беженцами.

— Именно. Теперь у них есть военный статус.

— Временный.

— Все статусы когда-то временные.

Остромыслов сказал:

— Этот документ регулирует постой и снабжение. Не международное признание.

— Разумеется.

Хартли посмотрел на Горхада во дворе.

— Но он уже отвечает на один интересный вопрос.

— Какой?

— Может ли человек, которого закон вчера не умел называть, сегодня получать паёк как солдат.

— Урум, — сказал Даня.

— Простите?

— Если один — орк. Если народ — урум.

Хартли не записал.

— Я помню.

* * *

Вечером он пришёл снова. Без приглашения не вошёл. Передал карточку караульному и ждал во дворе, пока Даня сам не вышел.

— Теперь прогулка? — спросил Даня.

— Если позволите.

— До курганов далеко.

— Я нашёл новую древность.

Они пошли вдоль лагеря.

За домами темнело. Костры стояли редкими красными точками. Урумы варили что-то в котле. Русские солдаты ругались возле телеги. Один из оставшихся игроков учил прусского барабанщика карточной игре и оба, судя по лицам, жульничали.

Хартли смотрел не на необычное. На обычное вокруг него.

Кому выдают хлеб.

Кто несёт караул.

Кто кому уступает дорогу.

— Вы ведь не за рамой вернулись, — сказал Даня.

— Нет.

— За мной?

— Это звучит несколько романтически.

— Потерплю.

Хартли поправил перчатку.

— Пять лет назад я считал вас любопытной местной особенностью.

— Спасибо.

— Не комплимент. Ошибка.

— Какая?

— Я смотрел на Поляну.

Даня замедлил шаг.

— А надо было?

— На людей, которые через неё проходят. И на вас — не как на источник явления, а как на человека, вокруг которого государство пытается построить порядок раньше, чем понимает предмет.

— Вы сейчас признались, что следили за мной?

— Я признался, что плохо следил.

— Очень утешительно.

— Мне тоже.

Они прошли мимо караула. Горхад сидел на бревне и пра-

вил ремень. Рядом лежал хлеб. Тот самый прусский девичий хлеб давно кончился; этот был армейский, тёмный и тяжёлый.

Хартли сказал:

— В Силезии вам сначала отказали в постое.

Даня остановился.

— Быстро дошло.

— У союзников прекрасно ходят бумаги, если в них есть печати.

— И слухи.

— Слухи ещё быстрее.

— И что?

— Вас вынудили доказывать, что Горхад не имущество.

Горхад услышал имя, посмотрел на них и снова занялся ремнём.

— Никто не говорил «имущество» прямо.

— Самые удобные вещи редко говорят прямо.

Хартли кивнул на лагерь.

— Ваше государство дало им статус при отряде. Пруссакки признали его для пайка и жилья. Завтра другой союзник решит иначе. Послезавтра война закончится, и кто-нибудь спросит, остаётся ли урум солдатом, когда нет армии, при которой он состоит.

— Вы предлагаете ответ?

— Торговое товарищество.

Даня рассмеялся.

Хартли дождался, пока он закончит.

— Простите.

— Не за что.

— Нет, правда. Я ожидал шпионскую сеть, государственный заговор, хотя бы покупку секретов. А вы пришли с товариществом.

— Государственные заговоры обычно хуже оформлены.

— Что за товарищество?

— Пока никакое.

— Очень убедительно.

— Тем и удобно. Его можно сделать под задачу.

Хартли говорил спокойно. Не продавал. Во всяком случае, не выглядел как человек, который продаёт.

— Представьте объединение частных вкладчиков. Британских сначала, возможно голландских позже. Не министерство. Не армия. Не тайная канцелярия. Люди дают деньги, суда, мастерские, страхование, юристов, доступ к рынкам. Взамен получают долю в торговле и исследованиях переходов.

— Моих переходов.

— Вот это слово и создаёт половину ваших проблем.

— Каких?

— «Моих».

Даня посмотрел на него.

Хартли продолжил:

— Если дверь существует независимо от вас, вы не вла-

делец. Если без вас не работает — вы тем более не должны один отвечать за последствия. В обоих случаях порядок, при котором один русский граф является одновременно ключом, разрешением, гарантией и обвиняемым, кажется мне неудобным.

Регент сказал бы почти то же.

Другими словами.

Слово «контракт» вместо «товарищества». Даня почувствовал старое раздражение.

— У вас знакомый способ продавать клетку как свободу.

— Клетка с дверью всё-таки отличается от клетки без неё.

— А ключ у кого?

Хартли улыбнулся едва заметно.

— Вот. Именно поэтому я пришёл сначала говорить с вами.

— Сколько?

— Что именно?

— Денег.

— Вам?

— Товариществу.

— Столько, сколько потребуется для первого года работы.

— Это не число.

— Вы испорчены князем Болконским.

Даня повернул голову.

— Откуда вы знаете?

— У вас были знакомые люди до войны, граф.

— Это не ответ.

— Нет.

Хартли не добавил ничего.

Даня запомнил.

* * *

На следующий день Хартли принёс бумаги.

Не договор.

Три образца.

Первый — британский контракт с инженером на два года.

Второй — морская страховая бумага. Третий — выписка из правил торгового товарищества, где отдельный пайщик мог выйти, продав долю.

— Вы серьёзно подготовились.

— Я пять лет опоздал. Приходится компенсировать.

Остромыслов листал бумаги медленно.

— Здесь нет переходов.

— Разумеется.

— Нет России.

— Тоже.

— Нет графа Безухова.

— Особенно.

— Тогда зачем вы это принесли?

Хартли сел.

— Чтобы показать форму.

Остромыслов положил первый лист отдельно.

— Инженер вправе расторгнуть договор за уведомление.

— Да.

— Даже если работодатель против.

— Если выплатит оговорённое.

— Вы не меня вербуете.

— Я разговариваю с вами.

— А вербуете кого?

— Никого сегодня.

— Сегодня.

— Погода не располагает к найму.

За окном шёл мокрый снег. Остромыслов снял очки.

— Позвольте уточнить. Вы считаете, что любой специалист Особого отряда вправе самостоятельно заключить договор с иностранным лицом?

— Я считаю, что человек вправе заключить договор, если он не является собственностью другого человека.

— Военнослужащий?

— Имеет обязательства службы.

— Беженец под российским попечением?

— Вот этот термин мне особенно интересен.

Остромыслов стал медленнее.

— Почему?

— Потому что «попечение» удивительно часто означает, что человек должен спрашивать разрешение у попечителя, прежде чем перестать быть под попечением.

Даня вспомнил свои разрешения на выезд.

Сопровождение.

Печати.

Приказ не покидать Слободу. Хартли не смотрел на него в этот момент. И именно поэтому Даня разозлился сильнее.

— Не надо.

— Простите?

— Вы прекрасно знаете, куда давите.

— Разумеется.

Остромыслов сказал:

— Господин Хартли.

— Да?

— Если вы будете предлагать контракты лицам, состоящим при российском Особом отряде, русское командование может счесть это переманиванием специалистов во время войны.

— Может.

— Последствия вам понятны?

— В общих чертах.

— Хорошо.

Он записал дату.

Даня посмотрел на первый контракт.

— А если человек сам захочет?

Остромыслов перестал писать. Хартли тоже не ответил.

Даня спросил уже у него:

— Если кто-то из моих людей сам придёт к вам и скажет: хочу работать за деньги в Англии. Вы возьмёте?

— Если он умеет то, что нам нужно, и вправе распоря-

жаться собой — да.

— А кто решит, вправе?

— Вот ради этого существуют юристы.

— Удобно.

— Ужасно. Но дешевле войны.

Остромыслов закрыл папку.

— Для протокола: никто не давал вам разрешения вести набор.

— Я и не просил.

— Я знаю.

— Поэтому мы прекрасно понимаем друг друга.

— Нет, — сказал Остромыслов. — Я просто точно понимаю, где мы не договорились.

Хартли улыбнулся.

— Это уже много.

* * *

Даня отказал вечером. Хартли не торопил его весь день.

Не приходил.

Не присылал записок.

Только перед отъездом передал через караульного свой блокнотный листок с адресом британской миссии. Даня нашёл его у лошадей.

— Я не буду входить в ваше товарищество.

Хартли затягивал подругу собственной лошади. Слуга стоял дальше и делал вид, что не слышит.

— Я предполагал.

— Тогда зачем предлагали?

— Вы могли измениться.

— Изменился.

— Недостаточно в нужную мне сторону.

— Я не отдам Поляну частной конторе.

— Я не просил Поляну.

— Пока.

— Справедливо.

— И не буду продавать доступ к людям, которые через неё пришли.

Хартли перестал тянуть ремень.

— Вот здесь, если позволите, вы опять используете опасное слово.

— Какое?

— «Доступ».

— Что с ним?

— Доступ бывает к складу, архиву, порту. К человеку можно получить согласие.

Даня молчал.

Хартли проверил пряжку.

— Пять лет назад вы бы сказали «мои беженцы».

— Возможно.

— Теперь «люди, которые пришли».

— И?

— Значит, вы меняетесь.

— Вы всё равно получили отказ.

— Разумеется.

Он надел перчатки.

— Тогда всё?

— На сегодня.

— Вы вернётесь?

— Если погода позволит.

Даня усмехнулся.

Хартли взял повод.

— И ещё одно, граф.

— Что?

Хартли помолчал, потом вынул из внутреннего кармана не договор — тонкий лист с четырьмя напечатанными пунктами.

— Я вчера видел копию силезского свидетельства.

— Быстро.

— У бумаги ноги длиннее, чем у армии. Ваш прецедент хорош, но он действует только пока человек прикреплён к вашей части. Что с ним будет, если он захочет жить в Лондоне?

— Зависит от человека.

— Нет. Пока зависит от того, кто держит его документы.

Даня взял лист.

Это был образец частного найма: жалованье, жильё, оплата дороги, право прекратить контракт с предупреждением. Ни имени. Ни профессии.

— Кого вы уже нашли?

— Никого. Это образец.

— Для кого?

— Для того, кто согласится.

Даня перечитал.

— Здесь нет обратной дороги.

— Добавим.

— Нет права отказаться от военной работы.

Хартли посмотрел на него внимательнее.

— Добавим.

— Нет языка, на котором человек должен получить условия.

— Это уже ваша школа, граф.

— Добавим.

Хартли достал карандаш и начал писать на полях. Даню это раздражало сильнее, чем если бы англичанин спорил.

— И нельзя удержать за долг, если дорогу оплатили вы.

Карандаш остановился.

— Вот это дорого.

— Значит, важно.

Хартли дописал.

— Ещё?

— Да. Секретные сведения отдельно. Человек может уйти, знания из закрытых русских ведомостей — нет.

— Разумно.

— И никакого договора через меня.

— Почему?

— Потому что тогда согласие опять будет моим.

Хартли сложил лист.

— Вы сейчас помогли мне написать более привлекательный контракт.

— Знаю.

— И всё равно сделали.

— Если человек уйдёт от меня только потому, что у вас условия честнее, это не вы его украли.

Хартли тихо постучал листом по перчатке.

— Запомню.

— Я не собираюсь красть у вас людей.

— Очень успокоили.

— Но если человек сам однажды решит, что ваша защита стоит ему слишком дорого, я не стану возвращать его только потому, что Россия первой поставила его на довольствие.

Даня подумал о Горхаде, которого в Силезии пытались вписать между солдатом и имуществом. О Ниш с её бумагой вольной разведчицы. О игроках с кнопкой выхода, которую никто не мог запретить. О собственном разрешении покидать Слободу только после уведомления.

— Я тоже не стану, — сказал он.

Хартли посмотрел внимательнее.

— Это может оказаться дороже, чем вы думаете.

— Уже привык.

— Нет.

Он сел в седло. На прощание улыбнулся так же, как пять

лет назад у мокрого кургана.

— Вы будете жалеть. Но не из-за меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.